

СРЕДИ КНИГ

ИЗДАНО
В СССР

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Ричард Олдингтон. Семеро против Ривза. Комедия-фарс. Перевод с английского Т. Кудрявцевой и Т. Озерской. Вступительная статья М. Урнова. Москва, «Художественная литература», 1968. 294 стр.

Ричард Олдингтон говорил о себе, что все, что имел сказать, он сказал в тридцатые годы. Правда, «Лоуренс Аравийский» был написан много позже, в 1955 году, но если Олдингтон подразумевал художественные произведения, с ним не приходится спорить. Он действительно писатель тридцатых годов, и его наиболее существенные книги точно укладываются в хронологические рамки этого периода. Первый роман, «Смерть героя», Олдингтон опубликовал в 1928 году — почти одновременно с «Прощай, оружие» Хемингуэя и «На западном фронте без перемен» Ремарка (да, этот год литературоведы по праву причисляют уже к тридцатым годам — границы литературных периодов не всегда обозначаются круглыми цифрами, и тридцатые годы на Западе поспешили начаться, как, впрочем, поспешили и кончиться), а последний из романов этого времени — почти десять лет спустя, в 1938 году, когда тридцатые годы были уже на исходе.

Этот роман, «Семеро против Ривза», опубликован сейчас издательством «Художественная литература» в серии «Зарубежный роман XX века». Это тем приятнее, что до последнего времени о «Семеро против Ривза» нельзя было получить представление даже по критическим описаниям. Ни в академической «Истории английской литературы», ни в позднейших подробных очерках английской литературы XX века он попросту не упоминается.

Конечно, «Семеро против Ривза» не из тех романов, которые производят переворот в наших суждениях о художнике. Не по этому роману, а прежде всего по «Смерти героя» и «Все люди враги» будем мы по-прежнему судить об Олдингтоне, определяя его место в литературе тридцатых годов. Но если мы хотим получить более полное представление об Олдингтоне, о его развитии как художника, нам следует вспомнить и о «Дочери полковника», и о «Сущем рае», и о «Семеро против Ривза». Первые два романа переведены. Третий вышел только сейчас.

Интересно, когда могла зародиться у Олдингтона идея этого романа? Следует думать — очень рано, лет за десять до того, как он вышел в свет.

В 1928 году, когда молодой Олдингтон сидел в Париже и с нетерпением ждал, как встретят только что вышедшую «Смерть героя», он получил письмо от Уэллса — очень хорошее, очень доброжелательное. Это был первый знак признания, и к тому уважению, которое питал Олдингтон к Уэллсу, прибавилось чувство личной благодарности. Не тогда ли Олдингтону захотелось написать нового «Киппса»?

Потому что «Семеро против Ривза» это, в известном смысле, попытка повторить тридцать три года спустя знаменитый роман Уэллса. Попытка, приобретающая особый интерес именно потому, что она предпринята три с лишним десятилетия спустя. И тот роман и другой — своеобразная комедия нравов, а нравы за тридцать лет, надо думать, меняются...

Да и герои на первый взгляд непохожи. Артур Киппс был молодым приказчиком. Мистер Ривз — человек в летах, ему стукнуло уже пятьдесят. Но, как это ни удивительно, мистер Ривз, подобно Киппсу, только-только вступает в жизнь. Точнее — в светскую жизнь.

Для Киппса новая жизнь началась с момента, когда он, неожиданно для себя, получил большое наследство. Оно освободило его от всяких обязанностей и предоставило самому себе. Киппс теперь был волен делать, что хочет. Он мог постараться стать таким, каким сам себе рисовался в идеале,

а ему ведь так хотелось быть джентльменом — читать книги и, не хуже других, рассуждать о них, знать, где что сказать, как войти, как сесть, — словом, не позориться на каждом шагу... Постичь все эти премудрости, конечно, непросто, но мир не без добрых людей. Стоило только появиться деньгам, и добрые люди уже тут как тут, они все время рядом с Кипсом, наставляют его, вводят в хорошее общество. К сожалению, Кипсу так и не удается стать джентльменом, а добрые люди, отчаявшись, оставляют его — предварительно, разумеется, обобрав...

Мистер Ривз, при всем своем житейском опыте, оказывается в таком же примерно положении. Проведя тридцать три года в Сити, он удаляется на покой для того, чтобы наконец «начать жить». И пусть капитал его не свалился с неба, а заработан долгим трудом, накапливался годами, мистер Ривз только теперь словно бы приобретает его — он ведь только теперь получает возможность им пользоваться. С толком, конечно, — накупит книг, займется садоводством, станет культурным человеком, что-нибудь еще такое придумает...

Впрочем, к культуре никак не приобщиться без помощи добрых людей. Рядом с Кипсом в должный момент появился мистер Финн. Рядом с Ривзом появляется мистер Хоукснитч. Но положение Ривза еще хуже, чем у Кипса. Тот как-никак сам был себе хозяин, а мистер Ривз женат, и жена его заражена традиционным английским снобизмом, и если сам мистер Ривз довольно быстро и без всяких душевных терзаний отказывается от намерения стать культурным человеком, миссис Ривз отнюдь не собирается сразу сдаваться — ведь Ривзу, по ее мнению, несложно приобщиться к культуре и светскому обществу: для этого достаточно покупать произведения искусства, притом новейшего. И мистер Ривз не без сопротивления, но все же ездит на выставки и на светские приемы, покупает картины и вносит изрядный куш на создание «истинно английской» симфонии.

Сатира на светских подлпал и модных бездарностей обычна для английской литературы. Еще Теккерей потратил на это немало красок в «Ньюкомах». Но для Олдингтона в «Семеро против Ривза» это становится главной, подчиняющей себе все остальные, задачей. Нет, не семеро ополчилось против бедного Ривза — их бесцельные полчища, этих жуликов, пытающихся всучить свой товар, забивающих голову мистера и миссис Ривз глубокомысленной чушью, спекулирующих святым именем Искусства. Они слетаются со всех сторон: художники, музыканты, писатели, — они прослышали, что есть такой мистер Ривз, которого можно облапошить и из которого легко вытянуть деньги, а что им еще нужно, кроме денег и саморекламы?!

Впрочем, как ни обширна эта галерея, она отличается известным однообразием красок. Всем цветам Олдингтон предпочитает черный, и нельзя не согласиться с М.

Урновым, который в предисловии справедливо замечает, что автор книги «оказывается временами жертвой желчного и поверхностного всепоношения».

От этого обилия корыстолюбцев мистер Ривз страдает вдвойне. Он не только ежедневно вынужден раскошелиться, но и теряет убедительность как художественный образ. Простодушного, неопытного Кипса удалось провести только однажды. Понаторевшего в делах мистера Ривза, который тридцать три года трудился в Сити, удается обманывать на каждом шагу. Он может поворчать, поохать, но в конце концов почти всегда уступает: иначе ведь какая-нибудь разновидность литературного мошенника рискует не найти применения своим способностям в пределах этого не слишком затейливого сюжета.

«Все люди враги» был попыткой синтеза нескольких тем, наметившихся в творчестве Олдингтона. После этого романа он предпочитал разрабатывать в отдельных произведениях те или иные частные темы, выделенные из начавшего складываться целого. Так и в «Семеро против Ривза». Боегема, представленная в «Смерти героя» в эпизодах второго плана, теперь выходит на первый.

Если мысль написать нового «Кипса» действительно зародилась у Олдингтона в 1928 году, он недаром ждал десять лет. Раньше у него просто не было возможности так старательно заниматься бытом и тревожиться заботами ушедших на покой бизнесменов. Темы гораздо большего общественного звучания подчиняли его себе. В 1938 году время пришло.

Но он теперь уже опытный романист. Верно, недостатки замысла нередко мешают и исполнению. Однако способность Олдингтона создать острую, гротесковую, фарсовую ситуацию (роман и носит подзаголовок «комедия-фарс») порой достигает

предела. Чего стоит, например, сцена, где два светских господина, вообразивших себя художниками-декораторами, ссорятся между собой, совершенно искренне уверенные с какого-то момента, что борются за высшие интересы искусства, а то, что каждый из них в конце ссоры утверждает нечто противоположное тому, что утверждал в начале, так ли это в конце концов важно?! Или блестящие, отточенные страницы (здесь следует с похвалой вспомнить и о переводчиках), на которых перед нами предстает Кани в восприятии мистера Ривза. Или история замужества дочери мистера Ривза. Все это написано с той легкостью и ясностью линий, которая дается только художнику, успевшему уже хорошо отточить свое перо. Задача, поставленная перед собой Олдингтоном в «Семеро против Ривза», достаточно проста. Он рисует комедию нравов «среднего класса» — с его старозаветностью и застенчивой, всегда готовой обернуться обидой, тягой к «новому», ускользнувшему за годы, потраченные на приобретение капитала, с его сословной гордостью и, вместе с тем, с тягой к «верхам» — словом, со всеми его странностями, чудачествами и противоречиями. И чем больше Олдингтон сосредоточивается на своих героях, тем с большим интересом читаешь этот роман. Действие, развоятое в начале, к концу приобретает разбег, бесчисленные эпизодические персонажи перестают за ним поспевать и исчезают с глаз, и мы расстаемся с мистером Ривзом, весьма довольные тем, что он наконец-то узнал цену каждому из людей, его окружавших, навел порядок в собственном доме и решил вернуться на старое место, в Сити, в свой привычный мир.

Впрочем, в романе Олдингтона можно вычитать намек и на нечто большее. Среди множества людей, встретившихся мистеру Ривзу, один вызывает глубокое уважение автора. Этот молодой человек не мечтает о великих деяниях. Он просто хочет открыть со временем школу и воспитывать просвещенных и добрых людей. Вот на этих-то людей и надеется Олдингтон. Ему надо сохранить веру в человека, в его будущее. А это очень важно. Пусть общественные идеалы отошли на второй план. Настанет момент, когда человек снова начнет их искать.

Ю. КАГАРЛИЦКИЙ

ВОСТОЧНАЯ САГА ОБ АНТАРЕ

Жизнь и подвиги Антары. Сокращенный перевод с арабского И. Фильштинского и Б. Шидфар. Вступительная статья И. Фильштинского. Примечания Б. Шидфар. Москва, «Наука», 1968. 455 стр.

В далекий VI век в истории арабов был веком лихих бедуинских набегов и войн за независимость с Византией, Ираном и Эфиопией, в ходе которых форми-

ровалось национальное сознание у разрозненных арабских племен. Выразителями этого чувства принадлежности к одному народу были бесстрашные поэты-витязи, неизменно принимавшие участие в походах и слагавшие стихи, в которых прославлялись доблесть и мужество арабов. (Между прочим, эти стихи слагались на поэтическом «койне», вобравшем в себя богатство древних диалектов Аравии и составившем впоследствии основу единого арабского литературного языка).

Предания и легенды о событиях той героической эпохи навсегда запечатлелись в памяти арабов. Спустя столетия из них вырос арабский народный эпос — своеобразные восточные саги, которые именуют «народными романами». В этих огромных эпопеях, окончательно сложившихся, по-видимому, к XII—XIII векам, причудливо смешались картины жизни арабов в доисламский период с событиями времен Арабского халифата и крестовых походов, действительное — со сказочным и невероятным.

Народных романов (по-арабски они называются «сира», то есть «жизнеописание») в арабских странах бытует множество. Наибольшей известностью из них пользуются «Жизнеописание Антары Ибн-Шаддада», «Жизнеописание Абу-Зейда», или «Подвиги племени Бену-Хиляль», «Жизнеописание султана аз-Захира Бейбарса», «Сейф Ибн Зи-Язан», «Зу-ль-Химма». Возникшие первоначально в народной среде под влиянием древних поэтических антологий и устных преданий эти романы-эпопеи были впоследствии подвергнуты литературной обработке и собраны в своды поистине гигантских размеров. (Эпопея «Подвиги племени Бену-Хиляль» в наиболее распространенном каирском издании составила 38 томов, а «Жизнеописание Антары» — 32 тома. В старом же Beirutском издании романа об Антаре — 154 тома.)

В отличие от некоторых других народных романов, герой «Жизнеописания Антары» имеет реальный исторический прототип. Прославленный поэт и воин Антара, незаконнорожденный сын эмира Шаддада из племени Абс и эфиопской невольницы Забибы, жил в Аравии во второй половине VI века. Он принимал участие в многолетней войне между племенами абс и зубьян, известной у арабов под названием «войны из-за жеребца Дыхаса», и в бесчисленных набегах, поражая современников силой и бесстрашием.

До нас дошли некоторые стихотворения Антары. Поэтическая касыда, посвященная его возлюбленной, двоюродной сестре Абле, вошла в число семи самых лучших стихотворений доисламской эпохи, известных под именем «муаллака», то есть «нанизанных на нить жемчужин». Около 610 года, как гласят арабские письменные источники, Антара был убит в бою воином Визром Ибн-Джабиром. Существует предание, что Мухаммед, объединивший под знаменем ислама племена Аравийского полуострова вскоре после гибели Антары, выражал сожаление